

Малорусское наречие

Источник: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Малорусское_наречие

Сохранено в архиве decolonial.ist: 31.08.2026 · файлов в оригинале: 1

МЭСБЕ: Малорусское наречие

НЭС: Малорусское наречие

БЭЮ: Малорусский язык

Малорусское наречие русского яз. некоторыми учеными считается самостоятельным славянским языком. За исключением Миклошича (см. его «Сравнит. грамматику слав. яз.»), подобный взгляд встречается обыкновенно у малорусских писателей, напр. у Науменка, тщательно избегающего в своем «Обзоре фонетич. особенностей М. речи» (К., 1889) термина *наречие* и употребляющего взамен его *речь* и *язык*, или у Огоновского, в его «Studien auf dem Gebiete der Rutenisch. Sprache» (Львов, 1880). Н. И. Житецкий, наоборот, систематически употребляет термин *наречие*. На строго научной почве нельзя не отнестись отрицательно к теории, провозглашающей М. *наречие* самостоятельным славянским языком. Все фонетические особенности (а они-то и являются единственными существенными признаками языков, наречий и говоров, в противоположность малохарактеристичным морфологическим и лексическим особенностям), которые отделяют русский яз. от польского или старославянского и т. д., имеются и у М. наречия. Так, М. разделяет с другими русскими наречиями, белорусским и великорусским, следующие общие черты: 1) полногласие (см.): *борода* (стсл. *брада*, пол. *broda*); 2) начальное *о* — вм. инославянского *је*: *озеро* (старослав. Файл:Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary b36_485-1.jpg, пол. *jeziro*); 3) раннее исчезновение носовых гласных, вместо которых находим *у* и *а* — р. *дуть*, мр. *дути* (старослав. Файл:Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary b36_485-2.jpg), рус. *жать*, малорус. *жати* (старослав. Файл:Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary b36_485-3.jpg); 4) переход сочетаний: *dj* в *ж* (*госпожа* — стсл. *госпожда*, чеш. *hospoza*), *tj* и *кт*, *гт*, *хт* перед небными гласными в *ч* (рус. *свеча*, малорус. *свічка* — старослав. *свешта*, пол. *świeca*); р. *ночь*, мр. *ніч* (стсл. *ношть* и т. д.); 5) отсутствие *д* перед *л* и *н* — напр. р. *упал*, *упала* и мр. *упав*, *упала* (пол. *upadł*, *upadła*); р. *вянуть* и мр. *вянути* (*więdnąć*); 6) развитие *л* после губных согласных + *j*: р. и мр. *люблю* — пол. *lubię* и т. д. Во всех других славянских языках в указанных категориях мы находим те или другие отличия от общих русских (великорусск., М. и белорусск.) звуковых особенностей. Очевидно, стало быть, что в ту эпоху, когда речь поляка, чеха, серба, болгарина, словинца и т. д. представляла в перечисленных отношениях большие или меньшие отличия от русской речи, речь великоросса, малоросса и белоруса их не имела, т. е. представляла один русский язык. Все фонетические особенности, отличающие в настоящее время М. нар. от прочих русских наречий, возникли уже после отделения общерусского языка от праславянского, стало быть, являются признаками языковой разновидности более нового происхождения, называемой обыкновенно *наречием*. Отношение М. наречия к русскому языку может быть приравнено к отношению между словацким наречием и чешским языком, кашубским наречием и польским и т. д., но не к отношению между языками польским, чешским, сербским и т. п., с одной стороны, и русским, с другой. Само собой разумеется, что из признания М. *наречием*, а не *языком* отнюдь не вытекает отрицание его права на независимое употребление в роли языка литературного, научного, школьного и т. д. Не следует забывать, что и теперешние различия слав. *языков* между собой некогда (в общеславянском периоде)

были различиями *диалектическими* и лишь впоследствии выросли в различия *языковые*. Отдельные индоевропейские языки также некогда были лишь наречиями, а еще раньше — говорами индоевропейского праязыка. Разница между *языком* и *наречием* сводится, главным образом, к большей или меньшей древности их отличительных признаков, т. е., в сущности, является вопросом времени. До известного возраста языковая разновидность носит название *наречия*, а после него — *языка*. В теории М. *наречие* имеет полную возможность сделаться со временем *языком*: весь вопрос в том, наступил ли для него предельный возраст наречия или нет. На этот вопрос покуда можно дать лишь отрицательный ответ: различия между прочими русскими наречиями и М. не настолько еще велики и многочисленны (довольно многие из них свойственны и великорусским говорам), чтобы сильно затруднять взаимное понимание их представителей. Не сложились еще вполне и нормы М. литературного языка. В этой области до сих пор наблюдается брожение, объясняющееся разрозненностью и малочисленностью попыток создать такой язык и отсутствием культурных и политических центров, где он мог бы окрепнуть и развиваться. Самое существование этих попыток, указывает, однако, на известную живую потребность, на природное стремление М. наречия стать самостоятельной языковой единицей, превратиться в независимый *язык*. Видеть в этом стремлении злонамеренное порождение М. сепаратизма слишком наивно и возможно лишь при глубоком невежестве в вопросах языка. Стремления М. писателей создать свой самостоятельный литературный язык не будут успешны, если они действительно беспочвенны — и, наоборот, попытки затормозить его самостоятельное развитие либо излишни, либо бесполезны.

Главные особенности М. наречия, отличающие его от великорусского: 1) древнее общерусское *о* в закрытых слогах, получившихся вследствие исчезновения кратких гласных *ѣ, ъ*, дает в некоторых М. говорах дифтонг *уо*, в других гласный *у*, в третьих *і*: *куон, кунь, кін* = великор. *конь*; 2) древнее общерусское *ѣ* дает или дифтонг *іе*, или *е* (узкое и смягчающее предшествующий согласный), или гласный *і* (также узкий), как в некоторых северных великорусских говорах: *ліето, лето, літо* = великорус. *лѣто*, новгор. *лито*; 3) древнее общерусское *е* в закрытых слогах, получившихся вследствие исчезновения кратких гласных *ѣ и ъ*, дает: или а) те же результаты, что *о*: мр. *тюотка, тютка, тітка* = великорус. *тѣтка* (форма, которую следует предполагать основной для всех трех М. форм), или б) те же результаты, что древнее *ѣ*: М. *шієсть, шєсть, шість* = в.-р. *шесть*. Разница объясняется влиянием следующего согласного: в *тетка* следующий за *е* согласный был твердый и *е* звучало широко, в *шесть* следующий за *е* согласный был мягкий (или средний) и *е* звучало узко; 4) общерусские гласные *и* и *ы* после согласных (исключая *ј*) в большинстве М. говоров совпали в *и* (широком, не смягчающем предшествующего согласного) или в *ы*: М. *мити* или *мыты* = древнер. *мыти*; 5) древние общерусские мягкие согласные перед *е* утратили мягкость (что она была, свидетельствуют случаи как *тюотка, тітка, вюол* = *вѣл* и т. д.): в.-р. *дерево* звучит по-М. как *дэрэво*; 6) древние общерусские звонкие согласные, очутившиеся в конце слов или перед следующими глухими согласными, вследствие исчезновения гласных *ѣ и ъ*, сохраняют в большинстве М. говоров свою звонкость: М. *дід, віз* = великорус. *дѣт = дѣдѣ, вос = воз*; М. *ніжка* = великорус. *ношка = ножка* и т. д. Кроме этих главнейших звуковых особенностей М. наречия, чуждых (кроме 2-й) великорусскому, имеется, и несколько второстепенных, свойственных и великорусским говорам: губно-губное *ш* (как английское) или даже неслоговой гласный *у* вместо *в* или *л* (как в вологодских говорах): М. *воук, прауда* = волог. *воук, прауда*, моск. *волк, правда*; спирант *һ* вместо взрывного *г* (как в белорусском наречии и в рязанском, и даже некоторых северных великорусских говорах): М. *ноһа* = в.-р.

нога и т. д. В формальном отношении М. наречие нередко сохраняет древние формы, утраченные великорусским: дат. ед. и им. мн. древних основ на *и*: *богови, богове*; местн. ед. м. и ср. р. и дат. местн. ед. ж. р.: *на порѡзі, нозі* = великорус. *порогъ, ногъ*; зват. ед. *козаче, місяцю, жі́нко* и т. д. Рядом с этим есть немало и новейших уклонений: 1 л. наст. в. р. *можу, печу* = в. р. *могу, пеку*, 3 л. ед. ч. *ведé, дума* = в. р. *ведет, думает* (формы *ведéе, дерé* встречаются и в великорусск. говорах, напр. Новоладожского у., С.-Петербургской г.) и др. Словарь М. наречия довольно богат заимствованиями: в западных М. говорах, соседних с польским населением, много полонизмов, а в говорах карпатских и угорских к ним присоединяются и словацизмы. В общем М. наречии резче всего выделяются два поднаречия: северно-М. и южно-М. (украинско-галицкое). Первое наблюдается в большей части М. уездов Черниговской губ. (граница с белорусским, занимающим северную часть этой губернии, проходит приблизительно по ее середине), в частях Переяславского и Пирятинского уу. Полтавской губ., в сев. части Киевской (Радомысльский у.) и Волынской (Полесье), в юго-зап. части Минской (Пинский у.), в малорусских уездах Гродненской (Брестском, Кобринском, Белостокском, частью Пружанском и Бельском) и Седлецкой губ. (вост. уезды: Бельский, Константиновский, Радинский). Второе занимает всю остальную часть М. территории в России: юго-зап. часть Области Войска Донского, южн. часть Воронежской, почти всю Екатеринославскую, большую часть Харьковской, небольшую часть Курской (между реками Сев. Донцом и Осколом), почти всю Полтавскую, небольшую часть Черниговской, южную часть Киевской и Волынской губ., часть Подольской, Херсонской и Бессарабской губ., вост. часть Люблинской (уезды Холмский, Грубешовский и Томашевский). Вне пределов России находим его в Галиции и сев.-зап. Буковине. К южному поднаречию принадлежат и переселенцы-малороссы, живущие на Кубани, в вост. части Новороссии, Поволжье. Самый значительный из южн. говоров — украинский (Слободской Украины), легший и в основание литературного языка восточных, или русских, малороссов. Галицкие и карпатские говоры и большая часть венгерских (лемков, бойков, гуцулов, тухольцев и верховинцев) принадлежат также к южному поднаречию, а остальные венгерские (в комитатах Сатмарском, Бережско-Уточском и Марамарошском) — к северному.

Литература. Самое обстоятельное и полное обозрение особенностей М. наречия и его говоров, основанное, впрочем, на материале, собранном другими, у проф. Соболевского: «Очерк русской диалектологии. III. М. наречие» («Живая Старина», 1892, кн. 4), где сделан свод всех имеющихся в научной литературе сведений (довольно скудных и неточных), разбросанных по малодоступным изданиям. Здесь же и хорошая библиография (хотя неполная) специальных статей и монографий по М. диалектологии. Грамматики: А. Павловский, «Грамматика М. наречия» (СПб., 1818); Lutskey, «Grammatica slavo-ruthena» (Пешт, 1830); Lewicki, «Grammatik der ruthenischen od. klein-R. Spr. in Galizien» (Пржемысль, 1834, 2 изд., 1850); Wagilewicz, «Grammatyka języka M. w Galicyi» (Львов, 1845); Łoziński, «Gramm. języka ruskiego» (Пржем., 1846); Pichler, «Kurzgefasste Russinische Sprachlehre» (Льв., 1849); Головацкий, «Росправа о языке южно-русском и его наречиях» (Львов, 1849) — важная для М. диалектологии; Осадца, «Грамматика русского языка» (по Миклошичу, «Vergl. Gramm. d. Slaw. Sprachen»; 2 изд., Львов, 1864; 3 изд., 1876); Дячан, «Методична гр. языка М.» (Львов, 1865); Житецкий, «Очерк звуковой истории М. наречия» (Киев, 1876); Огоновский, цитир. выше «Studien» etc., важные для зап.-М. нар. по богатству и новизне материала; его же, «Грамматика русского языка» (Львов, 1889). Науменко, «Обзор фонетич. особенностей М. речи» (Киев, 1889); Житецкий, «Очерк литературной истории М. наречия в XVII и XVIII вв.»

(ч. I, Киев, 1889); Смаль Стоцкий и Гартнер, «Руска граматика» (Львов, 1893). *Монографии* по М. наречию и говорам: Лавровский. «Обзор замечательнейших особенностей наречия М. сравнительно с великорусским и др. славянскими наречиями» («Жур. Мин. Нар. Просв.», 1859, СПб.); Костомаров, «О некоторых фонетич. и граммат. особенностях южно-русского (м.-р.) яз., не сходных с великорусским и польским» («Жур. Мин. Нар. Пр.», 1863, СХІХ, сент.); Максимович, «Новые письма к М. П. Погодину. О старобытности М. наречия» (М., 1863); Потебня, «Заметки о М. наречии» (Воронеж, 1871; из «Филол. Записок», 1870); Михальчук, «Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины» (Чубинский, «Труды этногр.-статист. экспедиции в западно-русский край», т. VII, вып. 2, СПб., 1887); Семенович. «Об особенностях угрорусского говора» (СПб., 1883); Hanusz, «O języku maloruském» («Slovansky Sbormk Jelinek'a» в Праге, т. II, 1883); Werchratskij, «Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen» (Станислав, 1883); Л. Л., «Материалы для характеристики наречий и говоров рус. языка» (северский говор; «Рус. Филол. Вестн.», 1884, кн. 1); Желеховский, «Заметка о рус. говорах Седлецкой губ.» (там же. кн. 2); Карпинский, «Говор пинчуков» («Рус. Филол. Вестн.», кн. 1); Werchratskij, «Ueber die Mundart der galizisch. Lemken» («Archiv fur slaw. Philol.», т. XIV, XV и XVI); Broch, «Zum kleinruss. in Ungarn» (там же, т. XVII, 1895); Ветухов, «Говоры слобод Бахмутовки и Нов. Айдары Старобельского у., Харьковской губ.» («Рус. Филол. Вестн.», 1893); его же, «Говор слободы Алексеевки Старобельского у. Харьковской губ.» (там же, 1894, т. XXXI); Иван Верхратский, «Про говор Заміщанів» (Львов, 1893). О М. ударении писали: Hankiewicz, «Ein Beitrag z. Lehre vom klehiruss. Accent» и «Ueber d. Accent der Verba im Kleinruss.» («Archiv f. slaw. Philol.», т. II); Werchratskij, «Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinruss.» (там же, т. III); Hanusz, «Ueber die Betonung d. Substantiva im Kleinruss.» (там же, т. VII). По морфологии: Smal Stockij, «Ueber die Wirkungen der Analogie in d. Declination des Kleinruss» (там же, т. VIII и IX); по синтаксису: Dubrawski, «Der slavische Interrogativsatz mit besond. Berücksichtig. der kleinruss. Sprache» (Стрий, 1881) и Zahajkiewicz, «Die Verba perfectiva u. imperfectiva in der kleinrussische Sprache etc.» (Тарнополь, 1883). Словари: плохие и неполные глоссарии Закревского, в его «Старосветском бандуристе»; Пискунова, «Словниця Української Мови» (1 изд., Одесса, 1873, 2 изд., под заглавием «Словарь живого народного, письм. и актов. языков русских южан», Киев, 1882); Левченко, «Опыт русско-украинского словаря» (Киев, 1874); неоконченные словари: Афанасьев-Чужбинский, «Словарь М. наречия» (тетр. I, СПб., 1855, изд. Имп. акад. наук), Партицкий, «Словарь немецко-русский» (том I, Львов, 1867); Шейковский, «Опыт южно-русского словаря» (Киев, 1861). Ценные материалы у Верхуратского: «Знадоби до словаря южно-русского» (Львов, 1877). Лучший словарь — Желеховского и Недильского: «Малорусско-немецкий Словарь» (Львов, 1886).

.

Категория:ЭСБЕ:Языки